

СУЕВЕРНЫЕ ОБЫЧАИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ЦЕРКОВНО-БЫТОВОЙ ПРАКТИКЕ (КОНЕЦ XIX – XX В.)

В.В. Андрощук (Минск, Беларусь)

Под суеверием следует понимать воззрения, которые не признаны ни религией, ни наукой [4, с. 10]. В свою очередь, колдовство в старинных суеверных представлениях составляло магические таинственные приёмы, имевшие своей целью воздействовать на силы природы и людей для исцеления или, наоборот, наведения порчи [7, с. 277]. Теоретическую основу колдовской магии давали именно суеверия, а сама магия, как деятельность, являлась результатом этой теории. Магия происходила из суеверия так же, как из религиозных представлений возникал определённый культ. Таким образом, любой поступок, совершённый из суеверия, являлся магией или чародейством [4, с. 13]. Суеверие и чародейство, по определению известного датского физиолога и психолога А. Леманна, были «первыми шагами человеческой мысли в религиозной и научной жизни» [4, с. 9]. Магия (колдовство) есть «самая древняя религия, наиболее дикая и грубая её форма», есть «первая форма, которая, собственно говоря, ещё не может быть названа религией», – писал Г. Гегель [0, с. 435, 439].

В Российской империи суеверные обычаи и предрассудки неоднократно становились мотивом для совершения преступлений против религии. Проблеме суеверий был посвящён целый ряд научных работ дореволюционных российских исследователей: А.А. Левенстима, А.Я. Канторовича и П.Н. Обнинского [2; 3; 4; 6].

Один из догматов христианской церкви – вера в загробную жизнь, уделял особое внимание усопшим и местам их погребения, которые находились под защитой Церкви и признавались ею освящёнными местами. Нарушение почитаемой атмосферы «покоя и умиротворения» считалось тяжким преступлением, в особенности, если оно сопровождалось надругательством над телом усопшего и его могилой, которые составляли предмет культа не только у христиан, но и других народов – язычников, мусульман, иудеев. Однако у христиан это почитание было выражено особенно сильно, поскольку после смерти и во время захоронения, следуя христианскому догмату о воскрешении мёртвых, над телами умерших совершались священные обряды.

Само по себе тело усопшего представлялось российскому законодателю как прах, в отношении которого, как и любого другого неодушевлённого предмета, совершить преступление было невозможно. Аналогично нельзя было признать усопшего потерпевшим, поскольку жертвой преступления мог стать только живой человек. Поэтому в данном случае закон вставал на защиту религиозных чувств живых родственников усопшего, которым наносилось оскорбление надругательством над телом умершего и/или его могилой. Следует отметить, что в отличие от законодательства западноевропейских государств, в России мёртвое тело не признавалось объектом наследования. Могила не могла приобретаться в частную собственность: кладбища принадлежали Церкви, хотя и располагались на отведённой городом земле [5, с. 335].

В российском уголовном законодательстве конца XIX в. защита мёртвых тел предусматривалась несколькими постановлениями, действие которых распространялось только на уже погребённые трупы. Наказание за их поругание во время прощания перед захоронением или перемещения на кладбище законом не предусматривалось. Кража с ещё не захороненного мёртвого тела рассматривалась именно как обычная кража, а не как поругание усопшего. Разрытие могил, насыпей и повреждение гробниц составляло преступление только при определённых, оговоренных в законе, условиях: 1) с целью ограбления; 2) для поругания погребённых; 3) для совершения суеверных обрядов [10, с. 26–27].

Для выделения суеверий в качестве особого мотива для разрытия могил имелись серьёзные основания. По народным поверьям, колдуны, пьяницы, самоубийцы, люди, умершие без Святого Причастия, исповеди, «со злобой на сердце» или похороненные не по христианским обычаям, не могли найти себе покоя в могиле. Воображению простого народа рисовались страшные картины посмертной участи таких людей, которые по ночам вставали из гробов, бродили по свету, возвращались в те места, где жили ранее, и приносили с собой мор и болезни. Крестьяне, движимые суевериями и стремлением избавиться от напасти, проводили специальные обряды: например, разрывали такую могилу, поворачивали труп лицом вниз и вбивали ему в спину осиновый кол. Отдельные части тел погребённых могли использоваться для изготовления талисманов [2, с. 57–59].

Разрытие могил для ограбления или поругания мёртвых тел влекло за собой лишение всех прав состояния и ссылку на каторжные работы на срок от 10 до 12 лет. Совершивший указанные деяния «для суеверных действий» лишался всех прав состояния и ссылался на поселение в Сибирь. Важно обратить внимание на формулировку статьи: «для суеверных действий», а не «вследствие суеверия» – преступления из суеверия рассматривались отдельно постановлениями другого раздела Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. Смягчающим вину обстоятельством считалось совершение деяния без злого умысла, по шалости или «по пьянству». В этом случае виновный подвергался тюремному заключению на срок от 4 до 8 месяцев (ст. 234) [10, с. 26–27].

Российское законодательство преследовало также проявление остатков языческих суеверий, которые спустя века после принятия христианства по-прежнему сохранялись в народе. Так, накануне Рождества Христова и в его продолжении запрещалось «проводить игрища» по языческим традициям и, наряжаясь в «кумирские одеяния», устраивать на улицах пляски, петь «соблазнительные песни» (ст. 28). В течение Пасхальной недели запрещалось купать или обливать водой лиц, не бывших у заутрени (ст. 29 Устава о предупреждении и пресечении преступлений) [9, с. 74].

В начале XX в. взгляд российского законодателя на суеверия претерпел определённые изменения. В Уголовном уложении 1903 г. суеверия упоминаются лишь в контексте нормы о похищении и поругании трупов (ст. 79). Все остальные ранее известные составы преступлений, совершавшихся по суеверным мотивам (например, исполнение магических обрядов, распространение суеверных слухов), из Уголовного уложения 1903 г. были полностью исключены.

Суеверные обычаи и предрассудки, даже если и не становились мотивом совершения преступлений, всегда находились в центре пристального внимания православных священнослужителей. Православная церковь крайне негативно относилась к народным суевериям и по мере своих сил всячески старалась искоренить их. Так, в 1859 г. священник прихода м. Петриков Мозырского уезда Димитрий Пашин писал в своём дневнике, что «глухая и лесная местность, разбросанность селений, отдалённость от церкви, а главное недостаток грамотности» породили у местных прихожан (крестьян) много суеверий и предрассудков. Рассмотрим далее наиболее характерные из них. Например, целая группа суеверий касалась обряда крещения младенца. Когда в церковь приносили крестить младенца, рядом с ним в пелёнках лежал маленький узелок с кусочками хлеба, соли и угля. Это делалось для того, чтобы у младенца, когда он станет взрослым, постоянно были хлеб, соль и огонь. Если во время совершения крещения одного младенца приносили другого, то восприемники последнего не входили вместе с ним в дом, а ожидали выхода первых восприемников. После этого младенцев подносили друг к другу в сенях или во дворе, важным было, чтобы младенцы при этом не спали. Делалось это для того, чтобы в будущем дети встретились не под землёй, как в доме, на крыше которого имелась земля, а на земле – иными словами, «не в могиле, а на вольном свете». Если в какой-то семье ранее умирали дети, священника просили назвать новорождённого младенца Адамом или Евой, чтобы ребёнок жил долго. С этой же целью возможно было пригласить в восприемники брата и сестру.

Своё суеверие было замечено и во время совершения исповеди: исповедующийся расстёгивал ворот рубахи для того, чтобы какие-либо грехи не задержались в нём.

Особенно много суеверий наблюдалось на похоронах. Когда делали гроб для покойника, никто не должен был переступать через гробовую крышку: кто переступит, того умерший по ночам будет беспокоить. После выноса из дома покойника сразу же высыпали на пол и лавки немного семян ржи, чтобы оставшиеся в доме были живы. На том месте, где лежал покойник до положения его в гроб, старший по возрасту в доме непременно должен был посидеть, чтобы на том месте сидели или лежали только живые. При опускании в могилу гроба с телом покойника кто-то из его родных старался непременно бросить в могилу копейку или две, чтобы купить землю покойнику. В гроб покойнику старались положить любимые им при жизни предметы и принадлежности его привычек. Например, одному покойнику просили разрешить в гроб скрипку, на которой он играл при жизни. Когда же разрешение получено не было, родственники попросили положить тогда хотя бы одни струны. Священник не разрешил и этого, объяснив, что в таком случае в гроб покойнику пришлось бы положить много разных орудий – напр. соху, косу, топор и проч., а на том свете не сеют, не жнут и не играют на скрипке. Однако родные покойника остались этим очень недовольны и всё равно украдкой положили в гроб струны. Во время эпидемий, когда часто люди умирали от одной и той же болезни, отъезжавшему после погребения священнику клали тайком на повозку небольшие остатки дерева от гроба покойника.

В крестьянском быту было много не только религиозных, но общежитейских суеверий. В м. Петриков крестьяне занимались исключительно земледелием и отчасти пчеловодством, поэтому все бытовые суеверия касались этих занятий. Так, перед началом главных полевых работ старались узнать, память какого святого праздновался в этот день, когда предполагалось начать работы: преподобного, апостола, пророка, мученика и проч. И в тот день, когда праздновался день св. мученика, работы не начинались, чтобы они не были мучительны.

Широко было распространено поверье о так называемых завитках, которые крестьяне находили на своих полях, преимущественно засеянных рожью. Завитка представляла собой несколько стеблей ржи взятых вместе, которые хитрым образом были переплетены, а в одном селении на поле была найдена завитка, перевязанная красной лентой, пучком конских волос и убитым ужом. Завитки делались якобы злым человеком с целью принести вред хозяйству ненавистным ему людям и лишить их благополучия. По мнению крестьян, тот, кто сожнёт завитку, должен непременно заболеть или вообще умереть, а скотина, съевшая солому из завитки должна околеть. Появление таких завитков объяснялось просто: рассердился, например, сосед на соседа – пойдёт и сделает на ниве своего недруга завитку без каких-либо колдовских приёмов и нащёптываний, зная только, что враг его непременно обратится к знахарю. Тот, у

кого была найдена завитка, действительно идёт за знахарем, иногда за несколько десятков вёрст – в разгар рабочей поры, когда крестьянину дорог каждый час. После этого привезённого знахаря необходимо содержать несколько дней, поить его водкой и угощать как самого дорогого гостя, а при отъезде заплатить несколько рублей. Поэтому всё это, само собой разумеется, было сопряжено с немалыми убытками и потерей дорогого времени.

В свою очередь у пчеловодов есть свои суеверия. Они, например, никому не позволяют садиться на пороге в избе или в сенях, потому что в противном случае рои пчелиные не будут садиться в ульи. После одного кушанья, когда подают другое, не следует отрясать ложку, ударяя ею о стол, иначе дятлы будут продалбливать ульи [8, с. 58–63].

Таким образом, православным служителям приходилось прилагать большие усилия для того, чтобы оказать необходимое воздействие на своих прихожан для того, чтобы избавить или по крайней мере ослабить в их среде зависимость от суеверий и предрассудков. Крестьяне, как правило, ревниво и упорно охраняли все предания своих предков и упорно не желали отказываться от них. Подобная приверженность суеверным обычаям являлась следствием малограмотности крестьянского населения и могла быть искоренена только путём повышения уровня грамотности сельских обывателей.

1. Гегель, Г. В. Ф. *Философия религии*. Т. 1. / Г. В. Ф. Гегель. – М.: Мысль, 1975. – 532 с.
2. Левенстим, А. А. Суеверие в его отношении к уголовному праву / А. А. Левенстим. – СПб.: Тип. Правительствующего сената, 1897. – 176 с.
3. Левенстим, А. А. *Фанатизм и преступление* / А. А. Левенстим // Журнал Министерства юстиции. 1898. № 8. С. 19–38
4. Леманн, А. *Иллюстрированная история суеверий и волшебства от древности до наших дней* / А. Леманн. – М., 1900; – Киев: Украина, 1991. – 397 с.
5. Лохвицкий, А. В. *Курс русского уголовного права* / А. В. Лохвицкий. – СПб.: Скоропечатня Ю. О. Шредера, 1871. – 704 с.
6. Обнинский, П. Н. В области суеверия и предрассудков / П. Н. Обнинский // Юридический вестник. Ноябрь, декабрь. 1890. – С. 359–381.
7. Ожегов, С. И. *Словарь русского языка* / С. И. Ожегов. – М.: Оникс, 2007. – 1198 с.
8. Пашин, Д. *Некоторые суеверные обычаи и предрассудки прихожан м. Петриков Мозырского уезда* / Д. Пашин // Минские епархиальные ведомости. 1 февраля 1880. № 3. Часть неофициальная. – С. 58–63.
9. *Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений* // Свод законов Российской империи. Том XIV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.
10. *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. Издание 1885 г. // Свод законов Российской империи. Том XV. – СПб.: Изд. товарищества «Общественная польза», 1900.

К ЮБИЛЕЮ ПЕТРА АЛЕКСЕЕВИЧА КРОПОТКИНА

В.Ю. Максимов (Ставрополь, Россия)

Взгляды П.А. Кропоткина на проблемы преступности в России и Европе конца XIX – начала XX веков являются закономерным выражением его социально-этической теории и, в целом, находятся в русле криминологических идей данного времени. Криминологические воззрения Петра Алексеевича ограничены, в основном, кругом трех основных проблем: факторов, влияющих на существование преступности в человеческом сообществе, социальной обоснованности и этической оправданности наказания, а также уголовных характеристик будущего, справедливого общества.

Понимание Кропоткиным причин преступности наиболее близко социологической школе, или «школе факторов»; в криминологии, представителями которой в данный период в европейской науке были Ферри, Ван Гамель, Лист, Принс, а в отечественной – И.Я. Фойницкий. Названные криминологи, а вслед за ними и П.А. Кропоткин, выделяли три основные группы факторов, влияющих на преступность в любой стране. Суммируя их, Кропоткин писал: «Три великие первопричины ведут к тому, что называют преступлением: социальные причины, антропологические и космические». Признание многофакторности исторического развития является для Петра Алексеевича основанием для вывода о множестве причин и условий, определяющих преступное поведение.

Космические причины понимаются в данном случае чрезвычайно широко: и как влияние космических объектов, и как воздействие вполне земных космических явлений – географических, климатических и физических причин. В соответствии с учением Кропоткина, космические детерминанты преступности исследованы слабо, однако полностью игнорировать их нельзя. Они действуют, но в основном не напрямую, а через посредство целого ряда влияний социального характера.

По мнению ученого, антропологические факторы преступности обладают гораздо более сильным влиянием на отклоняющееся поведение, нежели космические; к таковым факторам П.А. Кропоткин относит «унаследованные качества и телесную организацию». При этом необходимо отметить, что на криминологические взгляды Кропоткина как естествоиспытателя, несомненно, оказало определенное влияние учение выдающегося антрополога конца XIX века Ч. Ломброзо о «биологическом преступнике». Петр Алексеевич был готов признать важность фактов, установленных итальянским исследователем, однако в то же время утверждал, что представления последнего – «лишь заявления факта», из которых